

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИКАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Священникова, Щенкина, Лоскутова, Улитина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Комп.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ
 съ доставкой. 4 -
 Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 -
 съ пересылкою въ города. . . 5 -

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Стих. Изъ Гейне. П. Я. Лебедева. — Отчего нѣтъ русскаго фельетона С. П. Колошина. — Исправный исправникъ. г. Львова. — Закулисное. Рис. В. П. Рыбинскаго. — Старый знакомый. Рис. К. П. Исакова. — Жалоба старой бригадирши. М. И. Воскресенскаго. — Розсказни Карпа Иваныча. г. Карянова.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Помнишь, другъ мой, мы играли —
 Дѣти рзввыя съ тобой?...
 Какъ въ курятникъ за солому
 Въ уголь прятались глухой....

*

По пѣтушки какъ мы пѣли
 Тамъ, заслыша шумъ шаговъ,—
 Надъ прохожимъ какъ смѣялись,
 Что насъ счель за пѣтуховъ....

*

Какъ изъ ящичковъ сложили
 На дворъ себя мы домъ;
 И шпалерами обили
 Нашу компанку мы въ немъ.

*

Помнишь, старая къ намъ кошка
 Въ наше быгала жилье?
 И ей кланялись, ласкали,
 Угощали мы ее....

*

Мы твердили: «Очень рады,
 Что пожаловали къ намъ».
 Ахъ, не такъ же ль мы и послѣ
 Старымъ кланялись коргамъ?

*

На большихъ, бывало, глядя,
 Важно въ ящикъ съ тобой
 Мы садлись и вздыхали,
 Что теперь ужъ свѣтъ другой.

*

Надъ любовью онъ смѣется,
 Вѣрить вовсе пересталъ,
 Чести нѣтъ въ немъ, денегъ тоже,
 Даже кофе вздорожалъ!

*

Игры! Дѣтство! Вы умчались....
 Мчится все подъ вихремъ лѣтъ:
 Деньги, вѣра, честь и кофе
 И любовь, и цѣлый свѣтъ.

И. ЛЕБЕДЕВЪ.

ОТЧЕГО НѢТЪ РУССКАГО ФЕЛЬЕТОНА.

Мы, Русскіе, право, презабавные люди. Говорятъ, мы потомки Славянъ или Норманновъ, Индѣйцевъ или Гупновъ. Не знаю. Я начинаю думать, что мы происходимъ отъ Китайцевъ. Оттого-то мы такъ и забавны.

Китаецъ возьметъ чурбанъ, просверлитъ его, выкраститъ—пушка! Дастъ онъ человѣку палку, отдусть его какъ слѣдуетъ бамбукомъ, и кричить, что у него есть войско.

Русскій выучился кое-какъ повязывать галстукъ, поситъ по праздникамъ перчатки, читаетъ *Nord* и смотритъ Гамлета, но не сжегъ манишки, пьетъ абсэнтъ

безъ воды и теплое бургонское (вандализмъ, пушечный въ ходъ коммивояжерами, чтобы, при испытаніи вина, ударить покупателю въ носъ букетомъ), до сихъ поръ не проклялъ мостовой, исполняемой по образцамъ Карасубазара, Смирны и Каира,—плюеть въ гостиню, ѣсть передъ обѣдомъ подовые пироги, а послѣ обѣда поддываетъ въ кофей сливки,—и воображаетъ, о наивпѣтнѣйшій изъ смертныхъ! что онъ Европеецъ.

Оттого-то Китайцы не хуже бобровъ укрѣпили Пэй-Хо противъ Англичанъ и противъ Французовъ, а насъ ужасно любятъ, и съ золотомъ и даже безъ золота,—и въ восторгѣ, что мы къ нимъ пожаловали въ гости, будь это, не на чашку, на ванну чай, китайскаго, настоящаго. Китайцы не только забавны, но и очень хитры. Не даромъ же говорятъ о нихъ, что они выдумали порохъ, хотя, можетъ-быть, это и не правда. Китайцы догадались, что мы не Европейцы. Они вѣрують, что мы скорѣе нарядимся въ курмы и островерхія шапки, нежели выучимъ ихъ брать акціи общества *Сельскій Хозингъ* и читать *Русскую Бесѣду*.

Въ Петербургѣ существуютъ гг. Стенавовъ и Курочкинъ и издается *Искра*, въ Москвѣ живетъ г. Катковъ и выходитъ иногда *Русскій Вѣстникъ*,—и мы утѣшаемся, что у насъ есть журналы. Во многихъ журналахъ, ежели не во всѣхъ, по образцу иностранному отведенъ нижній этажъ для особаго шрифта,—и мы воображаемъ, что у насъ есть фельетонъ.

О журналахъ и о томъ, что у насъ не можетъ быть журналовъ, когда-нибудь послѣ. На сей разъ о фельетонѣ.

У насъ нѣтъ фельетона. У насъ не можетъ быть фельетона.

Въ Петербургѣ могъ бы быть фельетонъ, еслибы былъ фельетонистъ. Въ Москвѣ былъ бы фельетонистъ, еслибы могъ быть фельетонъ. Франція могла бы быть свободной, еслибы хотѣла. Италия хотѣла бы быть свободною, да не можетъ. Это рѣшительно одно и то же.

Петербургъ, ежели и не городъ, тѣмъ именно и живъ, что хоть немного да похожъ на Европу. Въ Петербургѣ есть магазины, не напоминающіе мелочную лавочку,—публичная библіотека, академія (и чуть ли не двѣ?), театръ съ Тамберликомъ и Розати, биржа съ каштанами, устрицами и понугаями,—кавалергарды съ удивительными орлами на каскахъ и монументальными лошадьми,—камельи, разѣзжающія въ невообразимыхъ мѣхахъ и коляскахъ,—посланники съ гайдучаками въ треугольныхъ шляпахъ съ плюмажами,—кафе-рестораны, гдѣ сходится народъ,—Невскій проспектъ, откуда народъ почти не сходитъ, наконецъ Нева и море, вентиляторъ, приносящій вѣтеръ изъ Европы. Живетъ ли Петербургъ какъ хотѣли бы жить и вы и я, не знаю; но Петербургъ хочетъ жить.

И за глаза довольно для существованія фельетона. Больше и не нужно. Развѣ по вашему и Парижъ живетъ . . . какъ слѣдуетъ, какъ бы хотѣлось вамъ и мнѣ, чтобы жилъ Парижъ? А въ Парижѣ ли нѣтъ фельетона? Чтобы въ Парижѣ не было фельетона, мы себя и представить не можемъ. Въ Парижѣ можетъ не быть императора, короля, диктатора, консула . . . по фельетона? . . . Фельетонъ *Presse* писался и тогда еще, когда Жирардэнъ сидѣлъ подѣ стражей, а наборщики журнала заряжали ружья. Въ Парижѣ былъ фельетонъ и слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, когда не существовало еще и Общество Любителей Россійской Словесности: былъ *courier de Paris*, который, пусть и оглядывался по временамъ на Бастилію, однакожъ докладывалъ читателю, какъ госпожа дѣ Поппадуръ оказала Маривѣ вспомоствованіе въ двѣ тысячи франковъ, а чернодеревцу Ризенеру опредѣлила пожизненную пенсію въ четыре тысячи—за изобрѣтеніе имъ и поднесеніе ей нѣкоей весьма удобной мебели, которую тогда называли въ фельетонахъ, а я долженъ просить васъ отыскать на гравюрахъ съ Гогарта.

Такъ почему же нѣтъ фельетона въ Петербургѣ? Потому, какъ я сказалъ, что нѣтъ фельетониста.

То-есть, дѣло вотъ въ чемъ.

Фельетонистъ *de jure* есть; *de facto* нѣтъ фельетониста, и такъ какъ его быть не можетъ, то не за что сердиться и не на кого. Только напрасно воображать, что есть въ Петербургѣ и фельетонъ и фельетонистъ.

Петербургскій фельетонистъ—чиновникъ: *voilà le hic*, вотъ почему онъ *de facto* не фельетонистъ. Но виновать ли фельетонистъ, что онъ чиновникъ? Разумѣется, нѣтъ: весь Петербургъ—чиновникъ, какъ весь Парижъ—буржуа. Но можно быть буржуа и фельетонистомъ, что именно и самымъ блистательнымъ образомъ доказываетъ Парижъ, а быть чиновникомъ и фельетонистомъ—невозможно, что самымъ неотразимымъ манеромъ свидѣтельствуется Петербургъ. Въ буржуа не утопаютъ человѣкъ, какъ не утопаютъ онъ даже въ англійскомъ министръ, даже если этотъ министръ—лордъ Пальмерстонъ; въ чиновникъ и остается человѣчьего только: любовь къ дешевымъ сообщеніямъ, сухопутнымъ и воднымъ, уваженіе къ власти и слабость къ фельетону, и какому же? русскому, который, по самому человѣческому свойству: ошибаться, принимается чиновникомъ за фельетонъ дѣйствительный, не мнимый.

Что весь Петербургъ чиновникъ, напомнилось не ради краснаго словца. Оно слишкомъ старо, какъ всѣ истины. Доказывать это, стало быть, по настоящему не нужно. Однакожъ, замѣтьте: Италиянецъ пишетъ къ Италиянцу, одному изъ живыхъ и наиболѣе сильныхъ людей слабой и угнетенной страны, и проситъ его, во имя человѣчества, вступить за ихъ общую родину и

помочь ей встать. Кто же первый отыскиваетъ въ самомъ человѣческомъ воззваніи начало антидисциплинарное? Чиновникъ-Петербургецъ. И, кстати ужъ, кто подхватываетъ? Петербургскій же чиновникъ, пересаженный въ Бельгію.

Понятно, что мы говоримъ не о политикѣ и не въ смыслѣ политики. Политику «оставимъ астрономамъ»... и воздержимся отъ поздравленія Бельгій съ приобрѣтеніемъ.

Петербургскій фельетонистъ можетъ быть, и нерѣдко дѣйствительно, уменъ, ученъ и даже остроуменъ. Но ежели онъ не добивается мѣста секретаря въ какомъ-нибудь департаментѣ, онъ преподаетъ эстетику въ дѣтскомъ приютѣ; ежели онъ не принисанъ какой-нибудь неправдой къ канцеляріи губернатора или министра, онъ ищетъ мѣсто третьяго помощника бібліотекаря будущаго музея. Будьте же тутъ независимы. А независимость — первое условіе фельетониста, условіе *sine qua non*, какъ желтыя перчатки и пустая фраза, *une phrase creuse*, условія настоящей дипломатіи, дипломатіи хорошей пробы. Можно быть не независимымъ и написать Илиаду, сочинить описаніе войны 1812 года, рассказать пріемъ императора Наполеона III и императрицы Евгеніи въ Пиренеяхъ и нѣсколько самыхъ глупыхъ анекдотовъ объ императорскомъ принцѣ, соорудить исторію литературы до сотворенія человѣка,— но чтобы написать фельетонъ, надо быть независимымъ.

Вы идете по Невскому проспекту: это никому не запрещено. Вотъ на встрѣчу Миша Карловна. Вы только что готовитесь прикоснуться къ шляпѣ: глядь, передъ вами директоръ департамента. Вонервыхъ надо поклониться ему, вовторыхъ при немъ не ловко поклониться Мишѣ Карловнѣ: онъ еще можетъ ей поклониться при васъ,—вы никакъ и ни подъ какимъ видомъ,

. Кромѣ того, такъ какъ вашъ директоръ, разумѣется, вполне современецъ, то онъ останавливаетъ васъ, и, любезно кладя свою руку на вашу, заговариваетъ съ вами о послѣдней политической новости, о взятіи Шампиля, о встрѣчѣ Парижаками италіанской арміи, о томъ, что, вѣдь, «Англія-то, кажется, тово»... Между тѣмъ Миша Карловна пролетѣла на своихъ рысакахъ—только вы ее и видѣли. А вамъ нужно было, чтобы она замѣтила вашъ поклонъ: у ней завтра пріятельскій вечерокъ, чай, ландшафтъ, съ двумя художниками, дипломантомъ и премилымъ старичкомъ, который утромъ узнаетъ ежели не всѣ государственныя тайны, такъ всѣ комеражы высшихъ словъ. Очевидно, одна степиграфія этого вечера — и редакторъ какого угодно журнала, будь это самъ Бюлозъ или его петербургскій двойникъ съ прививкою отъ Ломби, сверхъ поднесенія вамъ установленнаго гонорарія, расцѣловаль бы васъ не такъ, какъ цѣлуетъ одинъ знакомый мѣ

сочинитель древностей. Но вы на вечеръ не попали. Вдобавокъ, вы на долго не въ духѣ. Хорошо же будетъ вашъ фельетонъ. . . .

Вашъ пріятель, тоже жрець газетнаго *rez de chaussée*, попадаетъ на восхитительную галиматію о новомъ учрежденіи, изобрѣтенномъ общественною благотворительностію, то есть, называя вещи по имени, общественнымъ бездѣліемъ и праздностію. Въ восторгѣ, онъ прыгаетъ на своемъ диванѣ. Граціознѣйшая арлекинада, съ портретами дамъ-патронессъ, мигомъ созрѣла въ немъ. Онъ бѣжитъ къ своему столу, и первое, на чемъ останавливаются его глаза—билеты лотереи въ пользу дѣтскихъ приютовъ. Перо падаетъ изъ рукъ. Фельетонистъ, увлеченный восхитительною галиматіею, забылъ, о несчастный, что состоитъ при дѣтскихъ приютахъ:—этого мало, ему, по особенной милости, поручено роздать всего десять лотерейныхъ билетовъ, и тѣмъ не менѣе обѣщано, что въ нынѣшнемъ же году, не въ примѣръ другимъ, онъ получитъ. Перо выпало изъ рукъ, но нужно, однакожъ, опять взять его въ руки: завтра вечеромъ фельетонъ долженъ быть у редактора. И фельетонъ, я увѣренъ, орошенный слезами негодованія автора на свое безсиліе, открывается такъ: «Мы не разъ отдавали честь самопожертвованію нашихъ прелестныхъ дамъ. Не даромъ *одинъ великій мыслитель* (вмѣсто моего курсива пишется: Гете—Конфуцій—Юлій Цезарь—Григорій Турскій—все равно: *what's a name?*) сказалъ: «улыбка женщины—роса несчастнаго». Новое предпріятіе, состоящее въ томъ, чтобы доставлять дѣтямъ недостаточныхъ людей каніку изъ саго на малагѣ и шерстяные подрукавнички цупцоваго цвѣта, будетъ, конечно, однимъ изъ тѣхъ намятниковъ нашей эпохи, которыми. которыми»

Воля ваша, этотъ фельетонъ по моему лучше не кончать. А онъ будетъ конченъ, потому что долженъ быть конченъ. И выйдетъ онъ ни на что не похожъ. Чтобы пачать диссонансомъ и свести на мелодію, надо быть Гензельтомъ фельетонной эпохи, а это, сколько я понимаю, не такъ-то легко.

Третій казусъ:—дойдемте до трехъ, только до трехъ.

Фельетонистъ выходитъ изъ театра, гдѣ г. Л. только что прорычалъ въ бульварной мелодрамѣ, только что пересаженной актеромъ-бенефициантомъ на русскую почву съ театра Сен-Мартенскихъ воротъ. Первые зрители разстроены именно на столько, чтобы произвести въ организмъ, обреченномъ фельетону, достаточное выдѣленіе аттической соли — посредствомъ пера. У фельетониста, пока онъ падѣваетъ пальто, то-скуютъ оконечности пальцевъ: какъ бы только добраться домой.

— Не правда ли, какъ хорошо былъ сегодня Л.
. . . , говоритъ, пересѣкая въ корридорѣ дорогу стра-

далица, одна дама, держа въ рукахъ еще не просохшій батыстъ:—я надѣюсь, вы имъ довольны.

Дама—извѣстная поклонница *Смерти Ляпунова*. Ей предписанъ господишъ Л какъ противоядіе отъ сплина и отучивія, въ которые она начинала было впадать вълѣдствіе постоянной спячки супруга, ибо супругъ, мало что ночью храпитъ, днемъ спитъ походя,—спитъ даже за обѣдомъ между блюдами. Но что бы за горе фельетонисту, да вотъ въ чемъ дѣло: эта дама, по невольному, горькимъ опытомъ купленному, искусству, съ которымъ она выноситъ мужа, особенно любезна одному, одержимому такою же болѣзнію и изъ котораго она, во время его, почти не перемежающихся, припадковъ спячки, дѣлаетъ все, что ей ни вздумается; еслибъ не страшно было изломать его, она сдѣлала бы изъ него папилотку, —и этому-то именно этому, долженъ быть, черезъ даму, покровительницу господина Л, представленъ фельетонистъ для полученія мѣста
.
. Какъ же миновать комплиментъ господину Л? И фельетонистъ садится писать, утѣшая себя мысленно монологомъ Энея—сладкимъ воспоминаніемъ гимназическихъ лѣтъ:

*«O socii, neque enim ignari sumus ante malorum,
Passi graviora, dabit deus his quoque finem»,*

что, соображаясь съ условіями мѣста и времени, среди которыхъ находитесь фельетонистъ, значитъ русскою прозой: «пу васъ всѣхъ въ самомъ дѣлѣ! Получу мѣсто, тогда посмотримъ: можетъ и отдѣлаю Л, а можетъ и вовсе брошу фельетонъ. Покуда, мм. гг., читайте:

«Г. Л со дня на день совершенствуется. Въ новой піесѣ (слѣдуетъ названіе), видѣнной нами въ бенефисъ г-на П***, нашъ артистъ напомнилъ намъ Тальму (фельетонистъ, разумѣется, никогда не видалъ Тальмы, но нельзя не простить ему маленькую ложь: у него до сихъ норъ звенитъ въ ушахъ и рябитъ въ глазахъ Г. Л, дымъ пороха, дымъ кофейной, дама, владѣющая тайною распоряжаться, будущее мѣсто при будущемъ музее—все это пляшетъ передъ нимъ какъ вѣдьмы подъ шабашъ на Лысой горѣ) и т. д.»

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Я привелъ только три казуса, три случая. Ихъ по тридцати по три на каждого изъ тридцати трехъ петербургскихъ фельетонистовъ. Мнѣ отъ души жалко ихъ. А я еще не сказалъ того, чего, я знаю, мнѣ бы вовсе и говорить не слѣдовало. Но ужъ такъ и быть: можетъ статья, *dabit deus his quoque finem*, повторю я за фельетонистомъ, на этотъ разъ безъ перевода. Такъ вотъ что еще-то.

Петербургскіе журналы, подчиняясь (какъ все живущее въ опредѣленной атмосферѣ, вліянію этой атмосферы) вліянію петербургской атмосферы — чиновничества, и сами стали какими-то суккурсаліями чиновничества, какими-то палладіумами бюрократизма. Оттого фельетонистъ, сверхъ своихъ отношеній офиціального чиновничества, имѣетъ еще отношенія полуофиціального пли неофиціального чиновничества. Мундиръ и вымундиръ—то и другое мундиръ. Такъ и это. Онъ бы сказалъ что-нибудь о такой-то компаніи въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ*, но надо еще знать,
. какъ взглянуть на это *Отчественныя Записки*, которыя могутъ же состоять въ какихъ-нибудь соотношеніяхъ съ *Вѣдомостями*; онъ похвалилъ бы въ *Современникѣ* господина Гончарова, но... господишъ Гончаровъ напечаталъ *Обломова* въ *Отч. Запискахъ*, и т. д. Читай 999 (и т. д.)!

И вы хотите фельетона отъ петербургскаго фельетониста? Вы хотите, чтобы въ Петербургъ былъ настоящей фельетонистъ. Полноте, грѣхъ вамъ.

Чиновничество Петербурга сушитъ фельетониста, точно такъ же какъ филистерство погубило геній Германіи, о чемъ всю жизнь свою такъ остроумно плакалъ послѣдній пѣмецкій буршъ, онъ же и апофеоза бурша, Гейнрихъ Гейне. Чиновничество же Петербурга, и болѣе полуофиціальное, задушило и Бѣлинскаго, нашего славнаго учителя... но не виноватъ ли я, что смѣю здѣсь тревожить великую тѣнь? Да проститъ она мнѣ!

Вѣрные завѣту учителя, мы въ Москвѣ все такіе же бурши, какимъ онъ сошелъ въ могилу. И всѣ мы здѣсь бурши, начиная отъ господина Погодина, и кончая... ванимъ покорнымъ слугою. Всѣ—т. е. тѣ, которые хотятъ живаго, любятъ живое, ловятъ жизнь, гдѣ только можно и хотѣли бы вѣчно говорить о живомъ; всѣ—т. е. не тѣ, которые, прикидываясь иногда нашими, вообще же болѣе предаются портативной астрономіи—до того, что, и ложась спать, вѣшаютъ передъ собою фракъ со звѣздой, —и не тѣ еще, которые хоть и не прочь почитать не дурную—ужъ Богъ съ ними, только бы мякнишку статейку, всему же на свѣтѣ предпочитаютъ дружбу съ генералами, дѣйствующую на нихъ и жутко и сладко, какъ бы гашишъ. И какъ же изъ насъ, буршей, не вышелъ бы фельетонистъ? Вѣдь прежде всего и болѣе всего нужна фельетонисту независимость. Кромѣ независимости нужно только забвеніе всевозможныхъ грамматикъ, росскихъ, російскихъ и русскихъ—. первому условію Москва отчасти удовлетворяетъ». Книгини Марьи Алексѣвны и князя Маріи Алексѣвны,
. какъ очень счастливо, выразился намедни г. Погонишъ, существуютъ не для насъ. Имъ заняты только тѣ

филистеры, которые дожили до того, что.

Впрочемъ, филистеръ, даже и не дошедшій до крайности, заключаетъ въ себѣ также мало чело- вѣческаго, какъ чиновникъ: самое чело- вѣческое въ московскомъ филистерѣ, что онъ хотѣлъ бы быть чле- номъ Общества Любителей Россійской Словесности и до страсти любить литературные вечера и вообще всякія сходки во имя литературы, что именно для каждаго че- стнаго бурша составляетъ одну изъ капитальныхъ житей- скихъ пытокъ.

Такъ почему же въ Москвѣ нѣтъ фельетона, когда возможенъ и такъ легко возможенъ фельетонистъ?

Фельетонисту, чтобы создать фельетонъ, необходима пища. Его пища—жизнь, живая жизнь, такая жизнь, ко- торая бы непрерывно неслась свѣжей струею. Гдѣ эта струя не вѣетъ по всемъ слоямъ общества, по всемъ явленіямъ, изъ которыхъ складывается біографія дня недѣли, мѣсяца, тамъ нѣтъ фельетона. Отправьте на Шпицбергенъ самого Огюста Вильмо, это свѣтило со- временнаго фельетона,—что же будетъ? Огюсть Вильмо броситъ перо свое въ море, сложитъ руки на груди, и грустный склонитъ голову, какъ Марій на развалинахъ Кароагена. Привезите Огюста Вильмо въ Москву. Что сдѣлаетъ Огюсть Вильмо? Онъ напишетъ, на своемъ неподобномъ языкѣ, поживѣ Буало и почище Ша- тобриана, какъ его угощали въ Москвѣ, какъ на него смотрѣли, будто на бѣлаго медвѣдя, какъ онъ смотрѣлъ на Кремль, и чего нѣтъ въ Грановитой Палатѣ, какъ, наконецъ, онъ видѣлъ паяву настоящаго русскаго мужика, неподдѣльнаго, *un vrai laboureur*, — по онъ не напишетъ фельетона.

Ибо вотъ что еще чрезвычайно важно и чего я ни- какъ не долженъ унестить изъ вида въ моемъ трактатѣ. Фельетонистъ долженъ быть всегда туземецъ. Не туземцемъ можетъ быть фельетонистъ только въ Баденѣ, Спа, Эмсѣ, вообще на европейскихъ водахъ (Я не говорю ни слова о русскихъ водахъ: всемъ извѣ- стно, что русскія воды — мифология). И это очень по- нятно. На водахъ нѣтъ туземцевъ и нѣтъ ничего ту- земнаго, точно такъ же какъ на никіякъ все привозное, даже пожи и вилки. На водахъ же, случается пынче, са- мыя воды привозныя. Пусть, напримѣръ, изсякнутъ ключи въ Баденѣ, не бойтесь: вы все-таки будете ѣздить въ Баденъ; средство найдется.

Но въ европейскихъ водахъ, повторяю, фельетонистъ долженъ быть туземецъ, уроженецъ своей резиденціи, или житель, по законамъ давности приобрѣтшій въ сей право гражданства. Это необходимо для того, чтобы онъ зналъ свое мѣстопребываніе какъ свои карманы, какъ таблицу умноженія. Что такое Ипполитъ Оже въ

Петербургѣ? Неужели фельетонистъ? Неужели то, что онъ пишетъ, есть фельетонъ? Можно подуматъ, что онъ пишетъ по какому-нибудь *Путеводителю* г. Греча, ко- торый, какъ всеъ путеводители, ведетъ къ чему угодно, только не къ узнанію Петербурга.

Петербургскимъ фельетонистомъ, еслибы петербург- скій фельетонистъ когда-нибудь оказался возможнымъ, долженъ быть Петербургецъ. Москвичъ, въ званіи пе- тербургскаго фельетониста, возвратившись съ вечера, гдѣ видѣлъ много женщинъ, написалъ бы: «Петербург- скія дамы отличаются замѣчательно-приятнымъ цвѣтомъ лица». Московскимъ фельетонистомъ, предполагая, что когда-нибудь сдѣлается возможенъ московскій фель- етонъ, долженъ быть природный, чистокровный Моск- вичъ. Петербургецъ, недавно перенесенный на берега Москвы, Яузы и Неглинной, способенъ написать: «Мо- сква не измѣняетъ своему обычному, можно сказать, азіатскому гостепріимству и идиллическому доброду- шію». Въ первомъ случаѣ «приятный цвѣтъ лица», во второмъ «гостепріимство и добродушіе»—краски, отъ которыхъ обязанъ воздержаться живописецъ, не жела- ющій прослыть невѣждой въ дѣлѣ мѣстнаго колорита: иначе, онъ впадетъ въ ошибку маркиза дѣ-Кюстина, который, проѣхавъ по Россіи осенью и видѣвъ нѣсколько крестьянскихъ ребятишекъ, прятавшихъ отъ холода руки въ короткіе рукава рубашонокъ, написалъ: «въ Россіи дѣти перѣдко рождаются короткорукими (*manchots*)».

Такъ фельетонъ невозможенъ въ Москвѣ потому, что у насъ здѣсь нѣтъ жизни, той жизни, живой и бойкой, неутомляющейся и незасыпающей, одинъ взглядъ на которую оживляетъ... Я понимаю, что утверждать это очень неучтиво. Но какъ быть? *Amicus Plato, sed ma- gis amica veritas*.

И то сказать: на первый взглядъ я, вѣдь, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ говорю неправду. Какъ? есть въ Мо- сквѣ трактиры, гдѣ можно видѣть не мало пьяныхъ, — есть бани, которыя въ опредѣленные дни биткомъ на- биты,—бываютъ рауты, на которыхъ отъ тѣсноты ста- новится душно, — есть ученые, готовые изъ любви къ чело- вѣчеству читать безвозмездно публичныя лекціи на толкучемъ рынкѣ,—есть даже театръ, гдѣ иногда можно послушать Итальянца, ,—толкуютъ непре- станно о новыхъ журналахъ, — пережевываютъ, какъ жвачку, петербургскія *quasi*-административныя вѣсти,— разбираютъ не въ шутку, *ganz ehrbar*, комеражншо- странныхъ листовъ о тонкостяхъ кабинетовъ, сшитыхъ бѣлыми нитками, и путешествія ихъ комми-вождѣровъ, отправляемыхъ *pour faire mousser l'article du fil blanc*, — выходятъ иногда книжки о клопахъ съ опечатками, ко- торыхъ не выведешь и персидской ромашкой,—печа-

тается «дневникъ происшествій,» изъ котораго бываетъ видно, что то найдена вещь и не отыскашь воръ, то пойманъ воръ и нѣтъ покражи, — случаются пожары, — есть, наконецъ (чуть-чуть не забылъ) маскарады съ Саксомъ, электрическимъ освѣщеніемъ и салными пимфами Кузнецкаго моста,—Эрмитажъ и Эльдorado съ взятіями Кантона и пловучими храмами Славы,— французскіе рестораны, гдѣ за 10 р. съ персоны можно побѣдать съ настоящимъ перигорскимъ трюфелемъ, откупореннымъ въ прошломъ году... Какъ? все это есть, и нѣтъ жизни?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Все это не жизнь, а какое-то снохожденіе, все это не городъ, а какой-то каравансарай. Или еще лучше. Возьмите стклянку чистой воды— и болтайте. Взойдутъ на поверхности воды пузырьки, и черезъ нѣсколько минутъ пропадутъ. Вотъ вамъ Москва. Ваша стклянка съ водою гораздо больше похожа на Москву, нежели Москва г. Сушкова, нежели Москва и Москвитин покойнаго Загоскина, одного изъ нашихъ знаменитыхъ Китайцевъ, и изъ добродушнѣйшихъ.

Много вы паничите о стклянкѣ съ водою,—если не поэму объ инфузоріяхъ?...

Такъ вотъ почему невозможенъ въ Москвѣ фельетонъ.

Есть, впрочемъ, еще одна существенная complicacia для русскаго фельетона, complicacia, влѣдствіе которой фельетонъ не будетъ у насъ настоящимъ фельетономъ и тогда, когда петербургскій фелетонистъ ухитрится сдѣлаться печпшовникомъ, а Москва попробуетъ жить какъ живой европейскій городъ. Эта complicacia, вытекающая изъ нашего кровнаго родства съ Китайцами, состоитъ въ томъ, что мы не понимаемъ фельетона, какъ не понимаемъ, напримѣръ, критики. На критику мы смотримъ какъ на личное оскорбленіе разбираемому, какъ на ядовитую стрѣлу, непременно направленную въ сердце сочинителя,—на фельетонъ... но я лучше отдамъ на вашъ судъ что было со мною.

Раза два-три я покусился на фельетонъ.

Однажды, я повторилъ въ печати самую невинную distraction, lapsus linguae, вырвавшуюся при мнѣ у одной дамы. Дама взвѣлась на меня, и звать теперь вездѣ, что я бунтовщикъ, возмутитель общественнаго спокойствія; что меня надо посадить, за дерзость мою, въ Бобруйскъ.

Въ другой разъ я сказалъ, что непріятно было бы, еслибы московскіе журналы вздумали подражать манѣи петербургскихъ—взаимно охавать другъ друга передъ открытіемъ годовой подписки. Одинъ петербургскій фельетонистъ написалъ противъ меня цѣлую диссертацию, въ которой между прочимъ намекалъ, что я даже не имѣю и права говорить въ печати, потому что не принадлежу ни къ одному петербургскому литературному департаменту.

Въ третій разъ я выразилъ, что бездарность есть бездарность, и что никому не легче отъ того, ежели бездарность, являющаяся хоть бы на сценѣ, выступаетъ подъ дворянскою короною, — что незачѣмъ дворянину, чтобы только показать свое пренебреженіе къ сословной привилегіи, высказывать во всевиднѣе съ такою идеей: «я, вотъ, дворянинъ, милостивые государи, да за то плохой актеръ: на те же вамъ, знать не хочу ни чего и никого!»—Этимъ ужъ окончательно взволновался нѣкоторый Зритель, одинъ изъ тѣхъ умозрителей добраго стараго времени, надъ которыми такъ зло и мѣтко умѣлъ смѣяться Бѣлипскій. И что же? благотворительный паладинъ бездарности, думая ранить меня, убилъ лицо, которому вздумалъ покровительствовать: по поводу плохенькаго исполненія роли въ варварскомъ переводѣ одного изъ перловъ всемірной поэзіи, добровольный противникъ мой окружилъ себя книгопечатными снарядами, и началъ метать въ меня именами Гёте, Шекспира...

И вы скажете, что мы не забавны, что мы не Китайцы?

Я жду теперь одного: чтобы дама, которую я такъ нечаянно прогнѣвилъ, мой петербургскій критикъ и московскій Зритель составили компанію на акціяхъ для возраженія моимъ нынѣшнимъ разсужденіямъ. Еслибы я принялъ компанію *au sérieux*, могъ бы произойти прекуръозный турниръ. Но хотя бы и не случилось послѣдняго, а тѣмъ не менѣе возникли бы критики,—повольте придется навсегда сложить руки, посыпать голову, пенломъ и повторить за поэтомъ:

«*Er ist dahin, der süsse Glaube!*»

то-есть, мы, Русскіе, право, презабавные люди. Мы происходимъ отъ Китайцевъ... и долго-долго еще не быть у насъ фельетону.

.....
.....

С. Колошинъ.

ИСПРАВНЫЙ ИСПРАВНИКЪ.

Проездомъ чрезъ городъ N. я случайно познакомился съ столоначальникомъ тамошней палаты. Старикъ мнѣ полюбился; особенно нравились мнѣ его оригинальныя понятія о молодомъ поколѣніи нашихъ чиновниковъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, сидя за самоваромъ, мы, болтая о разныхъ разностяхъ, завели рѣчь о томъ, есть ли какая-нибудь возможность не брать взятокъ при тѣхъ условіяхъ, которымъ подчинены были все служащіе въ N-ской палатѣ (а, можетъ быть, и во многихъ другихъ).

— Вы извольте — ка разсудить, говорилъ Иванъ

Николаичъ (назовемъ такъ стараго столоначальника), извольте-ка хорошенько разсудить: получаю я 5 цѣлковыхъ въ мѣсяць; я столоначальникъ все таки, а что же приходится моимъ помощникамъ и писарямъ? Вѣдь вотъ предсѣдательскій буфетчикъ получаетъ пятнадцать цѣлковыхъ, да небось столько же и наживаетъ; а мы, горемычные, должны и себя соблюдать на 5 цѣлковыхъ, да пожалуй еще и семейство. Ну, и берешь, дѣлать нечего! Вы, пожалуй, и не повѣрите, что намъ самимъ бумагу приходится покупать, потому что въ палату съ самаго ея основанія идетъ одно и то же количество бумаги, а дѣль-то теперь, небось, побольше. Канцелярія становаго, напиримѣръ, обходится ему въ 500 р., а самъ онъ получаетъ 200; что же послѣ этого остается дѣлать, какъ не брать взятки? Ихъ превосходительство, предсѣдатель-то нашъ, распорядился на этотъ счетъ самымъ благоразумнымъ образомъ: вступивши въ должность, онъ созвалъ насъ всѣхъ къ себѣ и повелъ такую рѣчь: «господа, говоритъ, жалованье, которое вы получаете, жить невозможно, я это знаю; одинъ, говоритъ, исходъ—взятки; я вамъ не мѣшаю брать ихъ, — берите, только съ условіемъ, берите въ мѣру; я, говоритъ, написалъ на досугѣ реестръ, по которому вы узнаете, сколько каждый изъ васъ долженъ и можетъ взять. Кто же пожадничаешь и станетъ брать безъ совѣсти, того я стану преслѣдовать и живу со свѣту.» Такъ и сказала. «Самъ, говоритъ, я богатъ, брать не стану и, слѣдовательно, забочусь теперь только о вашей пользѣ; я, говоритъ, говорилъ объ этомъ съ губернаторомъ и онъ одобрилъ мою мысль.» Съ тѣхъ поръ такъ и дѣлаемъ, соблюдаемъ умѣренность и живемъ очень порядочно. А коли бы намъ вмѣсто этого предсѣдательскаго оклада (мы его всѣ предсѣдательскимъ называемъ) дали бы жалованье въ ту же сумму, мы бы о взяткахъ и не подумали. Вы думаете, легко тянуть полтинники да четвертаки съ бѣдныхъ мужиковъ? иногда въ жаръ даже бросить — да дѣлать-то нечего: или бери полтинникъ, или самъ голодай; оно, конечно, послѣ-то попривыкнешь, побезчувственнѣе станешь, да каково привыкать-то? А насъ все еще, стариковъ, обижаютъ: вонъ ихъ, кричатъ, эта старая трава только молодой мѣшаетъ, только у молодого поколѣнія поле отнимаетъ, вонъ ее съ корнемъ! А вотъ я вамъ разскажу, какъ на этомъ полѣ одинъ изъ молодого поколѣнія разгулялся, дай Богъ десяти старикамъ!

— Да, вѣдь, по одному нельзя судить обо всѣхъ остальныхъ: въ семьѣ не безъ урода, и на все найдутся исключенія.

— Противъ этого и спора нѣтъ; да, вѣдь, онъ у насъ былъ первый изъ молодого поколѣнія и за всѣхъ впередъ отличился. Мы теперь этимъ молодымъ не очень-то довѣряемъ, потому что по новому манеру такъ на-

дуютъ, что и смыслъ весь потеряешь. Я вамъ разскажу все обстоятельно. Опросталось у насъ исправничье мѣсто; ну, дѣло извѣстное, мѣсто очень хлѣбное, нашлось много охотниковъ; между ними былъ и Азовъ, изъ молодого поколѣнія, человекъ, надо вамъ сказать, преуспѣшій. По городу онъ слылъ за мплаго вѣтреника, впрочемъ умнаго малаго, съ хорошимъ направлениемъ и самыми крѣпкими убѣждениями на счетъ чести. Ну-съ, услыхавъ обо всемъ этомъ, сталъ я раздумывать, какъ то докажетъ онъ свои убѣжденія на дѣлѣ. Человекъ онъ былъ бѣдный, и желалось мнѣ знать, какъ онъ сладитъ съ тремястами рублей жалованья, не беря взятокъ, потому, коли убѣжденія-то очень крѣпки, такъ онъ не станетъ же, какъ мы, пользоваться предсѣдательскимъ окладомъ. Только и слѣжу я за нимъ. Между тѣмъ Азовъ, получивши мѣсто, горячо принялся за дѣло; дома совѣмъ не сидитъ, все рыщетъ, а о взяткахъ пока еще ничего не слышать; «ну думаю, хорошо, коли такъ, дай тебѣ Богъ помочи, веди за собою молодое поколѣніе, вырывай насъ съ корнемъ вонъ. Пора намъ, слѣдственно, на покой.» Жду педѣлку, другую, только слышу у Азова тройка рысаконъ завелась; подозрительно что-то, — казенныя-то лошади рысаконми не рождаются; а, впрочемъ, можетъ кто изъ знакомыхъ по дружбѣ подарилъ: все можетъ быть. Потомъ, слышу, у Азова къ рысаконмъ-то коляска оказалась; фу, ты чортъ! неужели опять кто-нибудь подарилъ, можетъ и это быть; да и отъ предсѣдательскаго-то не раскутишься, а онъ и этого, должно быть, не беретъ. Что за притча такая? Нѣтъ, вѣрно подарилъ кто-нибудь. Губернаторъ, слышалъ я, подарилъ ему предъ поступлениемъ, что, молъ, вотъ вы что можете брать: сумма, дескать, опредѣлена; такъ куда — «за кого, говоритъ, меня принимаете? напрасно, говоритъ, оскорбляете.» Даже губернаторъ-то испугался.

«Слышу опять, между тѣмъ, что Азовъ все больше и шире обзаводится; наконецъ слышу, что губернаторъ призывалъ его къ себѣ и очень долго о чемъ-то разговаривалъ. Послѣ ужъ дежурный чиповникъ губернаторскій разсказывалъ, что, сидя рядомъ съ кабинетомъ, слышалъ, какъ губернаторъ кричалъ на Азова и стучалъ кулакомъ; всѣхъ-то словъ онъ разобрать не могъ, а слышалъ только, что губернаторъ говорилъ о совѣсти, о двуличности, о предсѣдательскомъ окладѣ, а Азовъ только пищалъ: «ваше пр—ство, ваше пр—ство!» Оказывается въ послѣдствіи, что Азовъ взялъ большую сумму съ какого-то заводчика и скрылъ на заводѣ убійство, да взялъ съ четырехъ крестьянъ за казенную порубку. Это открылось послѣ, такъ что губернаторъ, мыла ему голову, не зная, за что бралъ Азовъ, а упрекалъ его только въ двуличности и безсовѣстности.

«Губернаторъ нашъ, надо вамъ сказать, человекъ предобрый; поругавши Азова, онъ не только что не обличилъ его передо всѣми, какъ бы слѣдовало, а еще обѣщался забыть все, если Азовъ не разсердитъ его попой выходкой и не будетъ отступать отъ предсѣдательскаго оклада. Мой Азовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, прямо отъ губернатора отправился на вечеръ къ нашему секретарю и преразвизно, какъ мнѣ рассказывали, говорилъ о порокахъ вообще и о взяткахъ въ особенности, и разные эдакіе случаи рассказывалъ, гдѣ наказывались пороки и торжествовала добродѣтель.

«Ну, думаю, не долго тебѣ придется исправничать: свернешь ужъ тебѣ кто-нибудь голову такъ, что ты и направление потеряешь.

«А Азовъ мой между тѣмъ все обзаводится: по городу ѣздитъ въ пролеткѣ на лежачихъ рессорахъ, кучеръ славно одѣтъ, самъ сидитъ щеголемъ, и сигарка во рту.

«Только приходитъ лѣто. Мимо насъ въ это время постоянно гоняютъ многое множество скота и по городу и въ окрестностяхъ. Вы вѣдь знаете, что такое надежь? когда скотина мретъ цѣлыми стадами, и заражаются цѣлые уѣзды и даже губерніи. Такъ эдакое несчастіе и случись въ тотъ самый годъ, какъ Азовъ-то былъ исправникомъ. Мреть-то скотина въ это время у насъ постоянно, да только умѣренно, потому—принимались должныя мѣры, а Азовъ сидѣлъ дома, да сигары покуривалъ. Въ окружныхъ деревняхъ всѣ въ отчаяніе приходять: въ цѣлой деревнѣ, наприимѣръ, нѣтъ ни одной коровы. Вездѣ роютъ ямы, да и бросаютъ туда мертвечину, чтобы по крайпей мѣрѣ дальше не заразилось. Между тѣмъ разносится слухъ, что ямы разрываютъ Татары, сдираютъ шкуры, продаютъ ихъ на базарѣ; слѣдовательно, поддерживаютъ и увеличиваютъ надежь; что исправникъ объ этомъ знаетъ, и умышленно бездѣйствуетъ.

«Губернаторъ призываетъ Азова; «вотъ, говоритъ, что дѣлается; Татары, говоритъ, выкапываютъ падалъ, продаютъ шкуры, и этимъ наносятъ ужаснѣйшій вредъ всей губерніи. Поймать ихъ не трудно: слѣды свѣжіе, а найдти ихъ я поручаю вамъ.»

«Азовъ отправился искать. Нашелъ татарское логовище; тѣ, конечно, струсили, увидавъ пуговицы—то, стали все прибираться, да застанивливать. «Ну, говоритъ онъ имъ, полно вамъ, меня вѣдь не надуешь, знаю я, какимъ вы искусствомъ занимаетесь. Меня прислали васъ ловить; вы, конечно, знаете, что вамъ будетъ за ваше воровство. Хотите отдѣлаться, дайте 500 р.: я постараюсь вамъ помочь и попробую провести губернатора; а то, говоритъ, бѣда вамъ.»

«Татары, конечно, перепугались и отвалили ему 500 р. Возвращается Азовъ, и говоритъ губернатору, «что, молъ,

нѣтъ никакихъ возможностей поймать; Татары, молъ, очень ужъ хорошо скрылись.» Губернаторъ осерчалъ: «Да, говоритъ, мой крѣпостной человекъ сейчасъ же ихъ отыщетъ! куда же они могли скрыться, продавая вчера на базарѣ зараженные кожи? Не провалились же въ самомъ дѣлѣ сквозь землю. Видно, говоритъ, мнѣ правду про васъ сказали.... Я сначала вѣрить не хотѣлъ, а теперь начинаю самъ убѣждаться. Я говорю вамъ въ послѣдній разъ: извольте найдти Татаръ, или я отправлюсь самъ, найду воровъ, а при этомъ открою и ваши плутни. Вамъ тогда не отдѣлаться отъ уголовного суда.»

«Чтожь бы вы думали? Азовъ опять отправляется, находитъ опять Татаръ: сидятъ они въ лѣсу и считаютъ шкуры. «Ну, говоритъ, давайте еще 500 р., да убирайтесь скорѣе по добру по здорову подальше. Губернаторъ меня пугнулъ уголовнымъ судомъ, и собирается самъ искать васъ; коли пойдетъ, худо будетъ. А я не стану себя даромъ опасности подвергать.»

«Татары было заортачились: «откуда, молъ, намъ взять денегъ? Мы, вѣдь, ихъ не дѣлаемъ!» — Какъ, говоритъ, хотите! отъ меня вы не убѣжите, я васъ чейчасъ же накрою, а губернаторъ можетъ прозѣвать, если вы во время уберетесь.

«Нечего дѣлать, дали. Азовъ опять воротился безъ слѣдовъ. Дерзость-то какая! видно онъ и губернатора то ни во что не ставилъ.

«А губернаторъ изавправду озлился. Не сказавъ ни слова Азову, онъ самъ отправился на слѣдствіе. А Татары-то сдуру пожадничали, не уѣхали, какъ имъ совѣтовалъ Азовъ, а стали отрывать падалъ у самаго города, за мыльнымъ заводомъ. Тутъ ихъ накрыли, и шкуры съ ними пашли. Они было стали кричать, что тысячу рублей заплатили исправнику, и что онъ имъ позволилъ вырывать скотъ еще двѣ недѣли. Такимъ образомъ нашъ молодецъ и попался. Оправданія не было никакого: сами Татары все открыли. Губернаторъ, воротившись, не захотѣлъ и видѣть Азова, который все просилъ аудіенціи, и въ самое короткое время на исправничьемъ мѣстѣ сидѣлъ ужъ нашъ теперешній исправникъ, а Азовъ былъ отдакъ подъ судъ.

«Онъ теперь въ самомъ жалкомъ положеніи: отписывается отъ обвиненій, не имѣетъ нигдѣ мѣста. Смѣлый взглядъ и походка исчезли, а о крѣпости убѣжденій вовсе не слышать.

«Такъ оно и значить, что и между молодымъ поколѣніемъ найдется, пожалуй, столько же дряни, сколько между стариками порядочныхъ.

II. Львовъ.

ЗАКУЛИСНОЕ.

(Рис. В. П. Рыбинскаго).

Начальникъ. Ну вотъ, братецъ, скажи спасибо. Сдѣлалъ по-твоему: опять будешь утвержденъ безъ торговъ. Подумалъ, подумалъ: велика штука для казны какія-нибудь четыре тысячи. Ну, напесли бы ихъ за твое мѣсто: эка диво! Она богаче насъ съ тобой, казна-матушка. Смотри жь ты мнѣ, чтобъ все было въ порядкѣ.

Экономъ. Ваше Превосходительство, отецъ вы мой и благодѣтель! Дѣтей заставляю денно и ночью поклоны класть....

Начальникъ. Ха-ха-ха! Да дѣти-то, любезный, полно, твои ли?

Воспитанница. Могу ли я надѣяться? Начальникъ мой, мнѣ, право, не достаетъ жалованья на перчатки.

Начальникъ. Да, объ васъ и графъ просилъ и еще кто-то. Всѣ васъ любятъ. Я вижу, вы талантъ. Моя обязанность поощрять таланты. Вы можете быть покойны. Вамъ будетъ прибавка. (Лакею). А той скажи: что она тамъ толчется у дверей? всѣ пороги обила. Не могу я ей прибавить. Ищи себѣ средствъ отъ бѣдности: она дѣвушка, наконецъ....

ЖАЛОБА СТАРОЙ БРИГАДИРШИ.

«Что за вѣкъ! что за вѣкъ?

«Измельчился человекъ!»

Съ декабря, отъ прошлыхъ святокъ,

Мнѣ пошелъ восьмой десятокъ—

Согласитесь же—что мнѣ

Можно жизнь понять вполне....

Какъ же такъ! Совсѣмъ теряюсь,

И подѣ-часъ дрожу, пугаюсь,

— Говорю вамъ, не шутя—

Я какъ малое дитя!

Времена пришли крутыя,

И событія такія....

Уши вянутъ, что за вѣкъ!

Измельчился человекъ!

*

Благодатною судьбою

Родилась я въ свѣтъ княжною.

Домъ, известно, на Тверской,

Разъѣзжала шестерней,

Дворни—штукъ до полтораста,

Въ Питеръ живала часто,

Разъ была въ чужихъ краяхъ,

На карлсбадскихъ на водахъ;

Платя съ фижмами носила,

Кринолиновъ не просила,

Не такой тогда былъ вѣкъ....

Измельчился человекъ!

*

Мужъ служилъ мой бригадиромъ

И отставленъ былъ съ мундиромъ;

Всѣ дѣла вель горячо,

Анну онъ черезъ плечо
Заслужилъ—кресты.... медали....
Не дуракъ былъ, — ну и дали!
Не случись съ нимъ параличъ,
Мой покойникъ, Петръ Ильичъ,
Былъ бы, можетъ, и сенаторъ,
Иль пожалуй губернаторъ....
А ужъ нынче что за вѣкъ?
Измельчился человекъ!

*

Да! не такъ мы прежде жили,
Мыслили и говорили,
Какъ въ испорченный нашъ вѣкъ,
Колобродить человекъ!
Мы Жоржъ-Зандовъ не читали,
Пасквилай не допускали
Въ современный нашъ журналъ....
Въ вѣкъ нашъ слово: «генералъ»,
Иль начальникъ отдѣленья!
Вѣсь имѣло и значенье;
Нынче жъ.... Господи! Вотъ вѣкъ!
Измельчился человекъ!

*

Страшно заглянуть въ газеты!
Все вишѣтки да портреты....
Чьи же? все известныхъ лицъ
Нашихъ славныхъ двухъ столицъ!
Кто съ ума, а кто и съ дуру
Тискаетъ каррикатуру;
И впаздъ, и не впаздъ
Всѣ о «гласности» кричатъ.
Ни къ чинамъ нѣтъ уваженья,
Ни ко звѣздамъ нѣтъ почтенья....
Да, насталъ послѣдній вѣкъ!
Измельчился человекъ!

*

Пишутъ гласно, что всѣ падки
На подарки да на взятки;
Что такой—то прокуроръ
Есть отъявленный воръ,
Хоть дѣйствительный онъ статскій....
Такъ и рѣжутъ побурлачки!
Ну, пускай онъ взятку взялъ —
Все же онъ вѣдь «генералъ»,
И никакъ ужъ не прилично,
Воромъ звать его публично,
Но.... такой ужъ нынче вѣкъ!
Измельчился человекъ!

*

.....
*
Вотъ вчера, лишь я проснулась,
На исторію наткнулась:
Фенька полъ не подмела,
Я пощечину дала.
Чтожъ? мерзавка такъ озлилась,

Что мнѣ даже погрозились:
«Не деритесь! говорить;
»Частный приставъ нашъ сердить:
«Въ часть явлюсь съ разбитой рожой,
«Такъ вамъ будетъ не пригоже!»
Всю меня метнуло въ дрожь
Эта наглость. Каково жъ?
Бригадиршъ—то, старухъ?
Ужъ не смѣй дать оплеухи
Фенькѣ, дѣвкѣ! Ну ужъ вѣкъ!
Измельчился человекъ!

*

Ну, а съ деньгами что станешь?
Чѣмъ въ нашъ вѣкъ доходъ достанешь?
Два процентика даютъ,
Да и ухомъ не ведутъ.
Всѣ заводы, пароходства,
Газы.... разныя уродства!
Развъ акцій закупать,
Дивиденда сто лѣтъ ждать!
То васъ въ прачки приглашаютъ,
То въ извозъ въ Москвѣ пускаютъ.....
Срамъ сказать! Хорошій вѣкъ!
Измельчился человекъ!

*

Господи! Услышь моленье:
Отжени ума затменье!
Чѣмъ въ такихъ порядкахъ жить,
Лучше голову сложить.
При покойникѣ, при мужѣ,
Становилось все ужъ хуже.
А теперь.... конецъ концовъ!
Позабыли мы отцовъ;
Разныхъ ересей набрались,
Зачитались, записались,
Всѣ «прогрессъ» да «новый вѣкъ»....
Измельчился человекъ!

М. Воскресенскій.

РОСКАЗИ И КАРПА ИВАНЫЧА.

Г И М Н А З І Я .

Дѣтушки, милыя дѣтушки, что изъ васъ дѣлаютъ, голубчики мои — уму непостижимо! Вѣдь вы хуже куколь, что на доньшкѣ свинцомъ—то налиты! Хотѣлъ было я жениться, — да ужъ никакъ надо отдумать; пойдутъ дѣти — одно горе лишь съ ними: будетъ ихъ таскать да тиравить Б*** за то, что не привозятъ, какъ бывало Домановы, воза сѣна, да овса; будутъ съѣчь васъ за то, что родители не вѣзятъ на поклонъ къ директору, да не чествуютъ его цвѣточнымъ чаемъ съ головкой сахарцу; а иныхъ и похвалятъ, когда надо просить родителей, чтобы они съ нихъ взыскали.... а все это потому, что почествовали директора, либо овсецомъ, либо чайкомъ, а то глядишь и коровкой съ удоемъ.

И что за утроба у этого кощя — директора? Самъ тощій точно лучинка, а всть за четверыхъ! и куда повьсть за зиму всю эту тучу, что навезуть желанные родители? словно моль какая: всть, всть, а все меньше червя.... хитро устроено — нечего сказать!

— За что это ужъ вы такъ нападаете на директора, Карпъ Ивановичъ? Да и откуда вы все это знаете? Въдь вы, кажется, не кончили курса, а это было уже давно? Кажется что и директора-то этого тогда еще не было, когда вы вышли изъ гимназiи?

— То-то и есть что не кончилъ! кабы не бѣдность моя — не хуже другихъ кончилъ бы, и въ студентахъ былъ бы не хуже кого.... небось не подгадали бы, не то что Надуловъ, аль Слѣпышевъ! То были все первыми, да еще съ медалями курсъ покончили, какъ подмазывали да подкармливали директора-то, а какъ поступили въ студенты — такъ и дали имъ по пряжкѣ: ступайте, говорятъ, домой, намъ таковыхъ не надо! Видно, тамъ гуся замороженаго да чаю фунтъ директоръ-то не беретъ, а на чистоту-то жить — наша не беретъ; ну, значитъ, и ступай въ помощники къ становому, аль въ комиссию утаптыванiя мостовой....

— Такъ отъ чего же вы не окончили курса-то, Карпъ Ивановичъ?

— Да вотъ отъ чего-сь: было это назадъ тому никакъ ужъ лѣтъ десять или больше, какъ за безобразiе уволенъ у насъ былъ инспекторъ; но долго ли, коротко ли прислали въ инспекторы вотъ этого-то, что теперь директоромъ. Былъ я тогда въ 5 классъ; прiѣзжаетъ, говорятъ — злющiй, презлющiй, за ссору вишь и сосланъ къ намъ въ инспекторы. Ну, господа—говоримъ—бѣда: новый инспекторъ! — Ну и правда, что бѣда. Сидимъ мы, а у насъ въ классъ батюшка-протопопъ былъ, такой добрый, смиренный, истинно, что Божiй человекъ, и какъ теперь слушаю я, говорилъ онъ на счетъ Арiя, знаете, что противъ Св. Духа сочинялъ.... Вдругъ растворилась дверь, и словно напрыгомъ вскочилъ новый инспекторъ, худой, испитой, па тоненькихъ ножкахъ, ну точно скелетъ, — а височки примазаны и перстень на рукъ. Подскочилъ къ кому ближе — цапъ за волосы и ну таскать, то того, то другаго, да эдакимъ маперомъ человекъ десять перетаскалъ.... «Какъ смѣли не остричься!» волосы вишь длинны! Таскаетъ всѣхъ да только рычитъ «ме-мерзавцы». А онъ, видите-ли — заика. Кому смѣхъ, а кому и полсмѣха нѣтъ, потому что волосы такъ ключьями и летятъ. Я, говоритъ, васъ, ме-ме-мерзавцы, всѣхъ выгоню! Съ тѣмъ и пошелъ изъ класса, только замѣтили мы: его словно пятнами избило всего отъ злости. Батюшка-протопопъ какъ всталъ, такъ и остался, — словно очумѣлъ; да и какъ не очумѣть: вбѣжалъ — точно съ цѣпи сорвался; не поклонился, ни подъ благословенiе не подошелъ, словно басурманъ какой. Ну мы тутъ переглянулись; думаю: плохо дѣло, братцы: копчилось наше земное странствiе — посадятъ насъ, голубчиковъ, на цѣпуру. А я былъ такой тихонькiй; что жъ? думаю себѣ: за какiя провинности будетъ онъ меня таскать? Волосы у меня коротенькiе, потому что то и дѣло, что золотуха на головъ, стало-быть, бояться мнѣ нечего.

Старый знакомый.

(Рис. К. И. Исакова.)

— Что это за рожа? я, помнится, гдѣ-то ее видѣлъ.

— Вѣроятно, въ зеркаль....

Однако дѣло вышло совсѣмъ не такъ: пошли такiе порядки и — и — не выговоришь! Было у насъ два надзирателя и одинъ-то ужъ больно Богомъ обиженъ: такая простота — шуба! и кромѣ смѣха ничего онъ отъ учениковъ не видывалъ, потому что ужъ очень слабоуменъ и неспособенъ былъ. И звали его на-смѣхъ: Сова Сарычъ, Сампсонъ Лукичъ. Позвалъ инспекторъ Сампсона Лукича. Вотъ тебѣ, говоритъ, приказъ: чтобы ты зналъ, кто изъ учениковъ какъ живетъ, — кто богато, кто бѣдно, и у кого родители, и — гдѣ. Да смотри, говоритъ, чтобы было все въ аккуратъ, а не то, такъ я тебя такъ же, какъ твоего соратника. — Другаго-то, видите-ли, онъ уже отставилъ: хмелемъ зашибался. — Постой, говоритъ, я васъ тутъ пощупаю, укажу вамъ, говоритъ, какъ надо начальство чествовать, да почитать! И подлинно — пощупалъ кощей.

Директоръ былъ человекъ учтивый, образованный; гдѣ, думаетъ, мнѣ вздорить съ такимъ нахаломъ.... добрый, хорошiй былъ человекъ.... но — слабъ былъ: любилъ въ картишки поиграть.... струну-то эту скоро подмѣтилъ инспекторъ — и ну орудовать да заправлять всѣми дѣлами. Приходитъ въ классъ: чтобы были, говоритъ, у всѣхъ форменныя шипели, не то вонъ изъ заведенiя! — Дѣло было зимнее — кто и въ овчинкѣ, покрытой суконцемъ, щеголялъ по бѣдности, — скоро-ли справишь все? А кого увидитъ почище одѣтаго — ну, таскать за виски: ты, говоритъ, ме-мерзавецъ, безпорядки дѣлаешь, шумишь все здѣсь! — Таскаетъ каждый Божiй день да и только. Завелъ по субботамаъ *съкуцiю*: порютъ каждую субботу да шабашъ. Сиди какъ вкопанный въ перемѣну классовъ: ну а въдь дѣти — 6 часовъ не высидишь — хочется и пробѣжаться по двору. Такимъ-то побытомъ — таска да потасовка, парка да при-

парка по субботамъ — кой какіе родители-то побогаче думали, думали — сердце не камень — бухъ къ нему съ визитомъ. Такъ и такъ, говорятъ, Егоръ Ивановичъ, долгъ, говорятъ, родителей — начальники вы и намъ!... кто чайку, кто сахарку, кто теленочка къ розговънюю, а кто глядишь и коровку съ удоемъ.

А кощей нашъ еще больше хорохорится: вотъ оно, говоритъ, — образовалъ дурней! Знайте честь, да утирайте бороду! — Былъ у насъ, не запомните ли, тогда, въ 7 классъ ученикъ Ведоровъ... такъ что же, я вамъ скажу — сжилъ со свѣту онъ этого Ведорова... Всъ, говоритъ, Ведоровы подлецы и ты, говоритъ, то же долженъ быть. — А за какого-то Ведорова, видите ли вы, — пересадили его къ намъ сюда въ инспекторы! — Такъ вѣдь и написалъ въ аттестатъ: поведенія, говоритъ, такой-то Ведоровъ — «*добропорядочно*». Поступилъ на службу Ведоровъ; спрашиваютъ, что это такое значитъ — добропорядочное? Порядочное добро, говорятъ, — это должно быть не хорошо... счастье, что еще начальникъ былъ человекъ добрый, *каверзовъ* не любилъ: а то бы вѣдь на службу-то принять задумался. — А то еще былъ у насъ Чижовъ, такой былъ востроногій и деньжонки родители имѣли, — такъ тотъ уперся — не будетъ, говоритъ, инспектору взятки, да и кончено! Бывало только пропихаешь, кто далъ взятку — засмѣетъ въ конецъ: «Ты говоритъ, Надуловъ, лошадку олвелъ инспектору, бурую то его, говорятъ, чемеръ одолѣлъ. Надуловъ уткнется носомъ — будто книжку читаетъ. Эй, говоритъ, Карасевъ, правдали, что ты вчера вечеромъ на баранъ ѣздилъ къ инспектору? Эхъ, говоритъ, вы поганцы! — Вотъ, бывало, либо щелчокъ этому Чижову, либо безъ объѣда его оставитъ, а Чижовъ губу закуситъ — погоди, говоритъ, кощей, помаюсь, такъ и быть, говоритъ, еще года два, а ужъ такой я тебѣ угощу взяткой — помпить будешь! не въ здѣшнемъ, такъ въ будущемъ, а ужъ расплачусь я съ тобою. — Не знаю, гдѣ теперь этотъ Чижовъ, а ужъ навѣрно расплатился, потому — не любилъ въ долгу оставаться... И смѣхъ и грѣхъ! Такъ онъ доходилъ этого Чижива, что ни за что слова отъ него не добьешься, Пѣтъ, говоритъ, братъ, не разговаривай со мною, а то придется взятку дать, а взятки, говоритъ, хотъ умереть, не дамъ. Такъ и настоялъ на своемъ, не далъ. За то и написалъ онъ ему въ аттестатъ то же «*добропорядочно*», а Чижовъ взялъ аттестатъ, да и третъ имъ спину: вотъ, говоритъ, твоя подпись! Пусть-ка, говоритъ, подпишетъ кто почище; съ тѣмъ и поступилъ въ студенты.

Ну, тутъ, съ этими порядками сталъ онъ и ко мнѣ приставать. Ты, говоритъ, ме-мерзавецъ, отъ чего вчера не былъ въ классъ, да еще смѣешь ходить въ засаленномъ платьѣ?.. Извините, говорю, средствъ нѣту, — а не былъ вчера потому, что матушка очень страдаетъ, третій день съ постели не встаетъ. Матушка-то въ ту пору близъ мѣсяца пролежала въ постели; стало быть, ходилъ я не каждый день, потому — взялся было некъмъ: братишка малъ, работница одна. Подъ конецъ мѣсяца собрали всѣхъ учени-

ковъ вмѣстѣ, — слышу: Карпъ, говоритъ, такой-то, уволенъ «за дурное поведеніе и лѣность»... Такъ я и ахнулъ.

Думалъ, думалъ... Прихожу съ Сампсономъ Лукичомъ къ инспектору, говорю: пощадите, Егоръ Ивановичъ, недостатки, говорю, мои, матушка была нездорова... Вонъ, говоритъ, ме-мерзавецъ! Васъ много такихъ подлецовъ!.. Ну, я стою и плачу, а Сова Сарычъ и шепчетъ: пади, говоритъ, въ ноги — авось простить! — Такое зло меня взяло: падай, говорю я, самъ, — подлецъ ты этакой? Съ этимъ, значитъ, я и покончилъ курсъ въ 5 классъ, а кощей и поднесъ царствуетъ да еще занялъ директорское мѣсто. Вотъ съ тѣхъ поръ-то и началъ я маяться писцомъ то у становаго, то у засѣдателя — обмужичился — небось! — Въ десять-то лѣтъ вотъ только что до столоначальника дошелъ... а небось не хуже кого получилъ бы титулярнаго... Вонъ, говорятъ, Бакъ — ассессоромъ кончилъ; такъ сразу докторомъ и сдѣлался...

— Скажите пожалуйста, Карпъ Ивановичъ, отчего же не обратитъ на это вниманіе ну хотъ губернаторъ, напрымъръ, вѣдь онъ начальникъ губернии, стало быть, начальникъ надо всѣмъ, что есть?...

— Эхъ, Петръ Петровичъ! Онъ начальникъ, да развѣ ему дѣла мало по губерніи-то, что будетъ по пятамъ слѣдить какого-нибудь кощей?... Да притомъ онъ человекъ такой въжливый, можно сказать, деликатный, гдѣ же ему возиться съ этакимъ облаемъ? Что теперь же вонъ поставили исправника?... Гдѣ же человеку нездоровому, можно сказать, воспитанному, возиться съ мужиками, да то и дѣло все въ зубы да въ зубы... Вонъ онъ послужилъ мѣсяца никакъ три и сталъ боленъ біеніемъ сердца!...

— Какъ же вы, Карпъ Ивановичъ, мнѣ что-то такое говорили про исправника или про исправницу?..

— Это я говорилъ про прежняго исправника съ женой, — тотъ былъ такой дантистъ — жида Мартыныча не надо; а этотъ недавно поступилъ, служилъ прежде въ гусарахъ... Это совсѣмъ другой человекъ, можно сказать, отмѣнный и жена этакая... я вамъ доложу — краля; изъ себя кровь съ молокомъ... отличная, скажу вамъ, дамочка и фамилія такая пѣжная; правда ужъ кто это сказалъ, что нѣжное къ нѣжному и идетъ...

— Какъ же ея фамилія?..

— Бѣлоличка-съ.

— Чѣмъ же она хороша, Карпъ Ивановичъ?..

Да всѣмъ, чѣмъ хотите: прямо, можно сказать, что и въ столицѣ между первыми такъ не уронить: и на рѣчахъ проста, и нашего брата, писца, удостоиваетъ разговоромъ, и эдакая важность во всей есть.

— Однако вы удалились отъ своего разказа, Карпъ Ивановичъ.

— Да ужъ должно быть до слѣдующаго раза, Петръ Петровичъ; усталъ — языкъ приболтался.

КАРЕЯНОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторъ *О. Миллеръ*.